

18+

Сергий Чернец
Болезнь века

Сергий Чернец

Болезнь века

«Издательские решения»

Чернец С.

Болезнь века / С. Чернец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-531889-3

В мире сейчас свирепствует эпидемия одиночества. Некоторые рассказы взяты из моих книг: «Паутина поколений», «Собрание сочинений», «Необычные истории детства» и других сборников рассказов — потому что они свидетельствуют об одиночестве героев рассказов.

ISBN 978-5-00-531889-3

© Чернец С.
© Издательские решения

Содержание

Книга «Одиночество» – болезнь века	6
Егорушкино одиночество	6
Отступление	7
Мои думки-воспоминания и мечтания	8
Продолжение про собаку, – скелеты	10
PS.	13
Вступление	14
Отступление	15
Петух клюнул мальчика в нос	17
«Егорушка» – рассказ	20
Часть 1	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Болезнь века

Сергий Чернец

© Сергий Чернец, 2021

ISBN 978-5-0053-1889-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга «Одиночество» – болезнь века

Егорушкино одиночество Болеел я однажды летом. (рассказ).

Однажды я получил воспаление лёгких и лежал в постели один.

Целыми днями я лежал в кровати, укрытый ватным одеялом и думал о своей жизни. – «Всё дело в том. – думалось мне, – что я родился неудачником. И вообще это не болезнь, – это у меня Судьба такая. Вон у соседа-одноклассника, у Ромки, у него судьба нормальная. Проболеет он контрольную работу и сразу поправляется. Я же всегда заболлеваю на следующий день после контрольной... У некоторых людей – всё хорошо, а у других – ничего хорошего! Кому не нужно – у того всё есть, а кому нужно – нет... А, вот, когда мне уже будет не нужно, у меня всё будет. Ну, например, зачем мне в тридцать лет нужна будет собака? Я буду уже стариком, и никаких собачек мне уже будет не нужно. – «Вот, не нужно мне теперь мороженное (буду думать я, старик, в 30 лет), а как я его любил раньше, вот, не нужны мне игрушки-машинки, совсем играть не хочется...».

Когда мне разрешили вставать, я стал в окно смотреть.

Наше крыльцо освещало солнце. Всё небо было заляпано белыми и круглыми, как блины, облаками, которые быстро неслись друг за другом и то и дело закрывали солнце. А по зелёной горе, которая виднелась там, далеко за лесом, за речушкой, за улицей и за нашим огородом. По зелёной горе одна за другой проползали круглые тени от этих облаков. Какой там, наверху, в облаках, ветер сильный, что они так быстро бегут.

Угораздило мне заболеть летом.

Другое дело, – болеел я зимой, тогда другая болезнь была – ангина, вроде бы, но лежал я в постели в городской квартире и тоже смотрел в окно, как помню, и тоже по-своему переживал.

Снегу намело тогда видимо-невидимо. Мягкий, пушистый, сверкал он на солнце. Дворники сгребали огромные сугробы. А ребята забирались на крышу гаражей в конце нашего двора и прыгали с них в сугроб. – Вот раз в году бывает такой снег – и обязательно, когда я болею! Судьба невезучего! Пацаны прыгали и обо мне не вспоминали. Да и кому интересно к больным ходить, хотя в школе об этом учителя нам говорили: что надо друзей-одноклассников посещать-поддерживать. Я и сам не любил к больным ходить: придёшь, а они лежат в кровати перед тобой. О чём говорить не знаешь. Новости расскажешь, а новостей – всегда как-то мало: ну, у Терентьева зубы болели и вырвали у него целых два, а Петров двойку схватил и всё. А что ещё говорить? – неизвестно.

Посидишь, посидишь для приличия и убежишь с ребятами на улицу играть.

А тут ещё зимой, пока я болеел, все ребята нашего класса записались в спортшколу. Они и во дворе, как я видел в окно, всякие железяки поднимали, гнулись и приседали и разные упражнения выделывали. А я, тогда, как поднял утюг несколько раз, у меня даже в глазах зарябило, и голова закружилась – пришлось лечь в постель – «ну, и хорош же я буду после болезни ослабленный» – подумал.

Потом кто-то принёс мне бинокль. Вот был подарок, хоть и на время, только пока болею. Интересно тогда было смотреть в бинокль из окна на ребят во дворе и на соседние дома.

По крышам гаражей серая кошка крадётся за голубями. Тётка ковры вытрясает у тех же гаражей. А в соседнем доме девчонка зарядку делает и в форточку дышит – свежим воздухом, – зима же!

Один старик на кухне в голубой чашке взбивает гоголь-моголь. Сидит себе под окном и взбивает. А сам всё пробует и пробует... – мне же известно, Мама говорила-учила, что гоголь-моголь пробовать нельзя...

А в соседнем доме тётка перед зеркалом крутится. Сам видел, берёт живую кошку и на плечи примеряет вместо воротника!

А потом нашёл такое окно – где видно было библиотеку: там все стены до потолка книгами заставлены. Иногда входила туда девчонка (у нас во дворе на неё никто внимания не обращал, она в другой школе училась, в «специальной»). Такая заспанная, волосы растрёпанные, потягивается, зевает – видел я в свой бинокль. Влезает эта девчонка на стремянку помост-сидение, специальная площадка сделана на деревянной стремянке. Книгу она раскрывает на коленках: и, вдруг, будто меняется на глазах. То важная такая сидит, торжественная, то, как захохочет, а то, вдруг, разозлится и по книге кулаком стучит или даже вниз, на пол, со стремянки бросит. Никогда не видел, чтобы так читали. Или книги у неё там какие-то необыкновенные. Вот бы почитать!

Зимой болел я весело, с биноклем, грустил, конечно, тоже.

— — — — —

А вот посреди каникул летом – как меня угораздило, на природе, в деревне у бабушки заболеть – в одиночестве полнейшем! Бабушка в колхозе работала и только вечером приходила домой.

Наверное, в детстве все болеют, но я совсем «болезненный» был, по словам бабушки моей. А всё почему? Потому что у меня не было друзей... – как думаю я. Вот, я пошёл на речку с деревенскими ребятами купаться, и чтобы с ними подружиться я купался, как все, – долго, до синих губ и посиневшего лица. Мы речку переплывали, а вода была тёплая только у берега и на поверхности реки, в глубине же было холодно, в реке со дна били родники. Я замёрз быстрее всех деревенских ребят. Пару раз я вылезал на берег, но ребята звали меня опять в воду, – они были постарше и не мёрзли так сильно. Но после долгого купания меня совсем затрясло. Тогда, уже к вечеру, когда в безоблачном небе солнышко склонилось к горизонту, – меня повели в больницу деревенскую (фельдшерский пункт), потому что я не мог согреться даже у костра, разведённого на берегу речки старшими ребятами. Грел я руки и ноги, сидя на брёвнышке, и вдруг будто уснул и/или провалился в темноту, а на самом деле я упал с бревна и потерял сознание так, что очнулся только в больничке. Вот и сказал мне фельдшер, что я могу заболеть воспалением лёгких. Потом я дома лежал, и фельдшер приходила, и точно сказала, что у меня воспаление легких. Что мне оставалось делать дома одному? – только вспоминать и думать «сам про себя».

— — — — —

Отступление

Одиночество способствует мечтанию.

Воображение – это особая форма человеческой психики. Это звено между восприятием, памятью и мышлением. Образы рождаются воображением с помощью мышления. Они возникают на основе того, что было некогда воспринято органами чувств и отложено в памяти. – Самые фантастические картины художников и невероятные фантазии писателей, как из мозаики, сложены из кусочков некогда воспринятой реальности. Например, кто-то, соединив в воображении тело лошади и человека, выдумал фантастическое существо – кентавра.

Воображаемые образы, имеющие мало общего с действительностью, называют – фантастикой. А фантазии. Которые представляют будущее и в принципе осуществимые, называют – мечтой. Неосуществимые фантазии – называют грёзами.

Различают несколько видов воображения.

*1 Когда человек сознательно, усилием воли вызывает у себя определённые образы, он пользуется **активным воображением**.*

*2 Если образы под влиянием каких-либо факторов возникают сами по себе, тогда работает **пассивное воображение**.*

*3 Есть ещё **репродуктивное воображение**. Это сродни памяти. Воспроизводя виденные в прошлом картины реальности, человек достраивает забытые памятью детали.*

*4 **Продуктивное воображение** создаёт новые образы, и именно оно является основой творческой мысли.*

*Только человек обладает возможностью творить (создавать новое). Итогом **творчества** становится нечто новое, чего нет во всей природе.*

Мои думки-воспоминания и мечтания

Я мечтал о собаке, – о своей собаке. Когда мы переехали на новую квартиру, в новый дом, в новый микрорайон города, – у нас в подъезде оказались длинные лестничные площадки. Между этажами на площадках поставлены были сундуки, в которых люди хранили вещи ненужные-захламляющие квартиру, а также, как мы, хранили картошку и даже капусту, и другие овощи. Сундуки на лестнице были только со второго этажа, на первом этаже висели ящики для почтальона.

Мы часто отдыхали между этажами сидя на этих сундуках-ящиках, закрытых на замок, потому что, если лифт не работал, а он не работал часто, нам приходилось подниматься на девятый этаж пешком.

Отец говорил, что дом наш «кооперативный», и я переспрашивал, что это значит, тогда я ещё в школу не ходил. Он говорил, что это значит, что квартира в этом доме, большая и хорошая, где есть у меня своя комната-детская, «наша». А тогда все остальные люди живут в «чужих» квартирах – подумал я.

Во дворе (новом) я начал гулять, когда уже пошёл в школу. И наш двор соединился с соседним через заброшенные сарайки на пустыре, район ещё строился и сарайки-развалины собирались «снести». – «Куда их понесут, как можно сарайки «нести» – думал я долгое время уже будучи учеником первого класса.

Я шёл в школу. Было ещё темно, даже горели фонари на столбах. Я не очень-то проснулся и шёл совсем тихо, даже глаза закрывались, чуть ли не засыпал на ходу. Мне снилась печка, как у бабушки в деревне. По утрам часто эта печка мне снится, – будто я лежу перед ней и смотрю на огонь, горящий внутри. Можно было потушить свет и лежать перед печкой. Да ещё собака рядом – верный друг. Так я мечтал, понимая, что такой мечте не сбыться.

Хорошая собака стояла на рынке, где продают голубей и котят, тридцать рублей. На завтрак в школе мне дают тридцать копеек... на бутерброд и компот или чай. В рубле сто копеек. В тридцати рублях три тысячи копеек... Мне придётся собирать полгода, чтобы купить собаку-щенка. Значит полгода я не должен завтракать?..

У меня не было друзей в первом классе. Не было и потом во всё время моего учения в школе. Я же говорю – что самый невезучий на свете это я.

И вдруг в тот зимний день я увидел собаку. Я переходил дорогу, а она шла вдоль улицы, прямо посередине, по белой полосе.

И раньше я видел много собак, и все они мне нравились, я бы взял любую себе домой. Пусть даже маленькую совсем, лишь бы у меня была своя собака – друг. Вот и встреченная собака была совсем небольшая: она была вся чёрная, только животик немного белый, пятнами на бока. Морда у неё квадратная и серьёзная. А походка... – просто супер: морда прямо взгляд

прямо спина чуть прогнутая. Сразу видно, что она не просто бежит по улице, а идёт куда-то по важному делу, и никто не сможет сбить её с пути. Была она такая решительная, самостоятельная, уверенная в себе. Целеустремлённая собака – вот что! Такая, что за ней невозможно было не пойти.

И я пошёл за собакой, которая перешла на мою сторону. Она свернула в последний квартал новостроек, к сарайкам и к нашей котельной у пустыря. Я пошёл за ней. Сбоку котельной двор был с огромными кучами угля. Собака понюхала воздух, подозрительно огляделась и вдруг очень ловко вскарабкалась на одну из куч и скрылась за ней. Уголь был мокрый, скользкий и сыпучий. Пока я забирался на кучу, собака куда-то пропала. Тут я увидел сверху небольшой засыпанный сарайчик. Дверей у него не было, но зато на крыше я снова увидел собаку. Она сидела там и склонив голову набок разглядывала штук пять больших крыс, которые в ряд лежали перед ней на досках. Казалось, что она их пересчитывает.

Я пробрался по углю к ней. Она только покосилась на меня, слегка зевнула и, положив голову на лапы, закрыла глаза. Я ей не мешал, видимо.

Присел я рядом, достал из школьного портфеля свой завтрак – бутерброд с колбасой и яблоко. В школу можно было опоздать...

Собака повела носом, но попрошайничать не стала, пока я сам не предложил ей колбасу вместе с хлебом. Тогда она встала, вернее, поднялась и села, оглядела меня с ног до головы и только потом взялась есть... взяла вежливо, спокойно, безразлично – я даже подумал, что она не съела, а спрятала за щёку, чтобы потом сложить рядом с крысами. А я сидел и жевал яблоко – собаки ведь яблоки не едят.

Перед нами была темная кирпичная стена, «кочегарка» -котельная дымила высокой трубой и ветер клонил дым в сторону школы. Но мне так не хотелось расставаться с собакой, – у неё точно был хозяин, наверное, кочегар. Собака зевала, и я тоже начал зевать и опять я подумал про печку: что, вот, если бы у меня была печка, то она, конечно бы, понравилась собаке, и тогда она пошла бы ко мне жить. А так, у меня ничего нет, со мной скучно и не интересно. Но собака не убегала, и я решил её погладить. Она вздрогнула и чуть поморщилась. Я потрепал её за ухо, и она лизнула мою руку горячим языком. Тогда я решил, что приду к ней после школы – полез на двор через кучу угля.

В школу я шел, как «на автомате» – шёл, шёл, чуть закрывая глаза и пришёл в школу. В раздевалке, за железной сеткой сидела дежурная-уборщица и вязала свой чулок – «Шиворот навыворот».

– Шиворот-навыворот, шиворот-навыворот, бормотала она и спицы мелькали в её руках. А я следил за её руками и думал, когда же она промахнётся-запутается. Мне казалось, что она колдует, и сейчас прилетят двенадцать лебедей из сказки, а она оденет на них уже связанные рубашки, чтобы они превратились в принцев...

И действительно, тяжёлая входная дверь вдруг с грохотом распахнулась, ворвались старшеклассники и, раздеваясь на ходу, стали швырять свои пальто прямо через сетку в гардеробную. «Шиворот-навыворот» еле успевала их подхватывать.

И моё пальто полетело вместе с остальными.

В коридоре на первом этаже физкультурник уже заканчивал утреннюю зарядку – у нас было так: все младшие классы (всего их три) выходили в широкий коридор и выстраивались вдоль стен... Физкультурник стоял ко мне спиной и командовал – «вдох, выдох».

Когда я подошёл, он как раз сделал выдох и нагнулся. Его голова была между ног и глядела оттуда прямо на меня. Зачем-то я присел и сказал «здрости».

Ничего смешного в этом не было, но все, кто стоял и не наклонился, все они захохотали. А физкультурник очень обиделся. Он вообще у нас очень обидчивый и подозрительный: когда он идёт по коридору, то всё время оглядывается на тех кто идёт сзади. Ему, может, кажется, что за спиной его обязательно передразнивают?..

Так и тут. Ему сразу же, может, показалось, что я его передразниваю. Он покраснел и сказал, что он мне этого так не оставит. А я почему-то сказал ему «пожалуйста».

Я вовсе и не хотел ему грубить, а, наоборот, хотел сказать что-нибудь вежливое. Но все эти «спасибо» и «пожалуйста» перепутались в моей голове, и я сказал первое попавшееся.

А физкультурник бросил зарядку и убежал в учительскую к заучу.

В дверях нашего класса меня опять задержали. Верка-санитарка. Она у нас в классе уши проверяет. Есть у нее картонка с бумагой: чистые – ставит плюс, грязные – минус. Вот и теперь одно ухо моё «пропустила», а за другое минус поставила. А за ней ещё Клавка, её помощница, руки проверяет.

– Вы поглядите, какие у него руки! – чуть не крик раздался на весь класс.

А у меня и правда руки в угле. Пошёл мыть ухо и руки. Пока мыл, урок начался.

– Вечно ты, Зайцев, опаздываешь, – говорит Марь-Михайловна.

– Я не опаздываю, я руки мыл, – говорю.

– Руки дома моют, – говорит она.

– Дома они у меня ещё чистые были, – говорю.

– Ну, тебя не переспоришь, – говорит она. – Садись скорее на своё место, столько времени отрываешь. И вообще нам с тобой ещё надо поговорить. —

Это она про физкультурника, – подумал я и оказался прав.

Этот день мне запомнился, потому что я тогда встретил своего друга – собаку, хотя я много пострадал и по-другому – схватил двойку по химии, был у зауча вместе с Марь-Михайловной, когда выяснилось почему у меня в школе нет друзей. Родители детей-одноклассников не советовали своим дружить со мной – лоботрясом и плохим мальчиком. Вот почему, все хорошие отношения могли продлиться едва ли один-два дня.

Тогда уже я почувствовал своё полнейшее одиночество в целом мире.

Продолжение про собаку, – скелеты

Каждую зиму, когда выпадает большим слоем снег и дети катаются с горок, я заболеваю. Такой я «болезненный тип».

Опять выпал снег, а я по-прежнему болею. Врачи говорят – ангина. Но я-то знаю в чём дело. Я с самого начала всех болезней это знал, но мне не верят. Ну, что поделать, придётся мне болеть всю жизнь. Из школы, из медпункта, где мне смерили температуру – меня отправили домой.

Мама, как только меня увидела, даже за голову схватилась в ужасе:

– Опоздал, да?! Тебя не пустили, да?! Так тебе и надо! Теперь я из-за тебя на работу опоздаю! Да что с тобой? —

– Я заболел. —

– А ну-ка дай лоб! – Она потрогала мой лоб. – Да, – говорит, тридцать восемь, не меньше! Что же ты раньше-то молчал! —

– Я только в школе заболел, а пока шел – не болел. – Я заболел потому, что у меня нет собаки. —

— — — — —

Мама протянула мне толстую книгу с полки, чтобы я читал: это был том Льва Толстого: «Детство, отрочество, юность». Я уже читал, начал читать про детство его и мне было интересно, – жил он совсем по-другому. Но скоро чтение наскучило, и я пошёл к окну смотреть во двор.

Во дворе гулял сосед – Вовка. Он был меня старше, и он был первый, с кем мы познакомились тогда, может он станет моим другом, – именно ему я рассказал, что мечтаю о собаке и что собака стоит больших денег – 30 рублей. Я открыл окно и позвал его зайти.

Скоро мы с Вовкой уже обсуждали, как можно купить собаку. Вовка знал больше меня, он был пятиклассник и учился во вторую смену, после обеда. В школе Вовка был самым умным, как он говорил, – его даже учителя боялись, – по его же словам, – потому что он вопросы задавал.

– И так, – прошёлся Вовка по комнате. – А что, если, – и он остановился возле моей кровати, в которой велела лежать мне Мама. – А что, если нам продать свои скелеты? – сказал Вовка, пристально глядя на меня.

– Можно и продать, только почём? – выдержал я Вовкин взгляд спокойно.

– Ну, не меньше, чем тридцать рублей, а может даже и больше! —

– А где их покупают эти скелеты? —

– В медицинском институте, сказал Вовка. – Там студенты. Знаешь, как им нужны скелеты? Три десятиклассника уже сдали, – придумал на ходу Вовка.

– А как это делается? —

– Очень просто, – сказал Вовка. – Подписываешь завещание, что в случае твоей смерти скелет будет принадлежать институту. Не родственникам, а государству. – И для науки полезно. Может быть твой скелет поставят потом в нашей школе на уроке по биологии. Это же лучше, чем в земле он будет лежать для археологов. —

– Конечно, лучше, – согласился я. – почему люди не продают свои скелеты? —

– Это из-за предрассудков, – сказал Вовка, ты ходить-то можешь? —

И вскоре мы ехали на автобусе на другой конец города, истратив деньги «на обед в школе», которые Мама ещё не забрала.

В институте всё было белым, и стены и шторы на окнах. И все люди ходили в белых халатах. Мы пошли по белому коридору, который несколько раз поворачивал и привёл нас на то же самое место – к доске объявлений.

– Надо у кого-нибудь спросить, – И пошёл Вовка прямо на бежавшего мимо дядьку. Я за ним, как «хвост». Дядька остановился.

– Чего вам? – спросил он.

– Где здесь сдают скелеты? – спросил Вовка.

Дядька открыл рот. Он, наверное, что-то хотел сказать, но забыл что, и поэтому так и остался с открытым ртом стоять некоторое время.

– И где эти ваши скелеты? – наконец спросил он.

– Скелеты это мы, – сказал Вовка.

– Вы? – сказал дядька. – Не слишком ли вы молодые и здоровые для скелетов. —

– Ну, что Вы, – сказал Вовка, – это только кажется, а здоровья у нас никакого.

– У меня ангины постоянные, и температура 38. – поддакнул я.

Дядька внимательно посмотрел на меня.

– Да, вид неважный, – сказал он. Пожалуй подойдешь. —

– А я, а я? – забеспокоился Вовка. – У меня тоже было воспаление легких. —

– Тебя ещё надо проверять, сказал дядька.

И он привёл нас в небольшую белую комнату. Почти вся комната была заставлена скелетами. Были они жёлтые и костлявые, выглядели неважно, будто старые. На столе вдоль стены лежали недорезанные лягушки, стояли колбы с чем-то внутри.

Дядька посадил нас за стол, сам сел напротив.

– Так вы хотите сдать институту свои скелеты? – спросил он.

– Завещать науке, – поправил умный Вовка.

– Нет, – сказал я, – мне нужна собака.

– Вот ещё и собака... – сказал дядька. – Ты хочешь поменять свой скелет на собаку? —

– Нет, – стал я объяснять, – я хочу продать свой скелет и купить щенка.

– Ага, – обрадованно сказал дядька, догадавшись до всей нашей затеи. – Теперь всё ясно. Что может быть проще: продать свой скелет и купить щенка. Замечательная идея. Науке щенки тоже бывают нужны, знаете ли. —

– Скелеты, – поправил Вовка.

– Правильно, скелеты, – поправился дядька. – Замечательное пошло поколение, само предлагает свои скелеты. Только что скажут ваши дети? Может быть, они не согласятся отдать нам ваши скелеты? —

– Так, так, – сказал дядька. – Ну что ж, с чего же начнём? —

– Надо написать завещания, – сказал умный Вовка, подсказывая.

– Завещания? Ну, конечно же, начать надо с завещания – он дал нам ручки и бумагу.

«„Завещание“», – написал Вовка, и немного задумался.

«Я, Владимир Поляков, проживающий..., после своей смерти завещаю свой скелет науке».

Вовка подписался. Я заглянул в его листок и всё переписал также.

– Ну теперь всё в порядке, – сказал дядька, разглядывая наши завещания. – Давайте разрешения – и можете идти сдавать.

– Какие разрешения? – удивились мы.

– Как какие? Разрешения от родителей. —

– Мы ведь умрём позже них, – я первый возразил.

– Кто знает, – сказал нам дядька. – Сами говорите: здоровья никакого. Нет, без разрешения дело не пойдёт. Получите разрешения – приходите. —

Когда мы вышли, Вовка сразу очень помрачнел.

– Сорвалось всё, – говорил он. – Такое дело сорвалось... —

– Чтобы из-за какого-то разрешения? – удивился я.

Но Вовка был мрачен.

– Продолжай дело один, – сказал он, – а мне такого разрешения не достать. Ты не знаешь моего папы, – он такой строгий... —

– А ты познакомь меня с ним, – сказал я.

Вовка странно как-то посмотрел на меня и сказал – Пошли. —

Мы пришли к Вовке домой. Он провёл меня по абсолютно тёмному коридору, сказал «жди тут» и постучал, наверное, в дверь в конце коридора. За дверью что-то прогрохотало, Вовка открыл дверь, и я увидел огромную спину, которая склонена была над столом.

– Кому чего надо? – прорычал голос Вовкиного папы.

– Это я, – сказал Вовка.

– А, это вы, грохнул голос из-за спины. – Вы взяли мою готовальню снова? —

– Я хочу сдать свой скелет науке в институт, – сказал Вовка.

Спина крикнула и голос прозвучал со смешком:

– Скелет ваш – делайте что хотите, – сказала спина.

– Но мне нужно ваше разрешение. —

Спина молчала.

– Мне нужно разрешение, – снова спросил Вовка.

– Отдайте мою готовальню – крикнул грубый голос из-за спины, – и не приставайте с пустяками-шуточками. —

Вовка попятился и закрыл дверь.

– С моим батей лучше не связываться, – вздохнул он.

У меня дело обстояло не лучше. Как только моя Мама услышала насчёт скелета, она сразу же бросилась к телефону вызывать с работы папу. Я кинулся её остановить. Я ей объяснял, что теперь все сдают свои скелеты, что это сейчас – как сдать кровь донору, что для науки

это нужно. Но она ничего не слушала и еле уговорила папу не тревожить. При этом она чуть не плакала и принимала всякие капли из аптечки на кухне.

PS.

Мы с Вовкой всё-таки решились, и через два дня опять сидели в кабинете этого дядьки и объясняли ему, как нам нужен щенок. Объясняли мы долго и наконец, как нам казалось, объяснили.

– Хорошо, – сказал он. – Можно и без разрешения. Но тогда слушайте и хорошенько обдумайте, что я вам скажу. —

И он сказал нам, что наши скелеты действительно могут понадобиться, и мы должны как следует подумать, сможем ли мы пожертвовать их в любое время.

– Конечно, – сказали мы, – в любое время.

Дядька внимательно на нас посмотрел.

– А не кажется ли вам, – сказал он, – что вы бессмертные? —

– Нет, не кажется, – успокоили мы его.

Дядька взял в руки наши завещания, повертел их в руках.

– А я могу вам дать, для вашего живого уголка хороших наших животных: белых мышек, или крысок! Пойдёмте и посмотрите.

И мы оделись и вышли на улицу, чтобы пройти в соседний корпус, где была лаборатория. Там, в большом помещении стояли клетки, а в клетках красивые, белые-белые мышки, такие же ослепительно белые крысы с красными мордочками и красными же безволосыми хвостиками.

Конечно же мы взяли пару мышей: папу и маму. Домой мы их не понесли, а принесли в школу, в кабинет биологии. Так появился в школе живой уголок в углу кабинета-класса биологии, по нашей инициативе. Потом прибавилась клетка с хомяком, кто-то принес пару морских свинок... Нас похвалили учителя.

Конец.

Вступление

Во всём мире сейчас свирепствует эпидемия одиночества. И это факт.

На проблему одиночества сегодня, безусловно, стали обращать больше внимания: чаще говорят об этом во всех СМИ и в этом обвиняют гаджеты – смартфоны и ноутбуки. Интернет вообще.

Но из этого совсем не следует, что процент одиноких людей по сравнению с прошлыми годами и десятилетиями действительно вырос. – Используя данные исследований, начиная с 1948 года одна учёная, Кристина под фамилией Виктор из Лондонского Университета Брунеля выявила, что пропорция пожилых людей (а именно их считают более одинокими), испытывающих хроническое одиночество – остаётся неизменной, одинаковой на протяжении последних 70 с лишним лет. По её данным, также как и раньше, – от 6 до 13% признавались, что чувствуют себя одинокими всегда, либо большую часть времени.

Пожилых одиноких людей не стало больше.

Но правда и то, что одиноких людей больше – просто потому, что население нашей планеты всё время увеличивается. А чем больше в мире одиноких – тем больше в мире печали среди людей. Другие люди «заражаются» печалью видя и зная об одиноких.

Люди страдают от одиночества. Одиночество всегда плохо.

Однако хорошо уже то, что часто такое состояние – лишь временное и далеко не всегда негативное. Оно может подавать нам сигнал о том, что пора заводить новых друзей или попытаться найти способ улучшить уже существующие отношения.

По определению: одиночество – это изоляция от общества.

Но так ли это на самом-то деле. Одиночество – это вовсе не то же самое, что быть одному. Одиночество – это разобщённость с окружающим миром, это чувство, что никто из окружающих не понимает тебя, и у тебя нет реальных, значимых для тебя отношений с людьми.

Изоляция, при этом, может играть свою роль, но далеко не только она. Вы можете чувствовать себя одиноким в толпе – и, наоборот, может быть абсолютно счастливы, когда рядом никого нет. К этому можно привести исследование Би-би-си о том, как отдыхают люди, – и выяснилось, что пять самых популярных видов отдыха связано с одиночеством – не в смысле ощущения, а когда человек находится один.

Иногда нам даже хочется побыть одному. Однако если у вас нет возможности проводить время с людьми, которые вас понимают, тут-то одиночество и обрушивается на вас, как болезнь.

Отступление Познание.

Жизнь в неведении – не жизнь. Кто живёт в неведении, тот только дышит = «небо коптит», как говорится, – Познание и жизнь неотделимы.

Познал я сам себя в самом раннем возрасте = в «детсадовском возрасте», как говорится. Во время болезни я всё думал и думал, – говорить-то было не с кем. И вот, «сам себе думаю» – как же так происходит, что будто бы я говорю-разговариваю с кем-то кто сидит внутри меня, – я выходит не один, есть кто-то такой, кто наблюдает за мной самим и объясняет мне – где я не так сделал, не то сказал, только запаздывает. Событие уже произошло, а он начинает мне же объяснять: «ах, не так надо было, надо было по-другому поступить», «надо было по-другому сказать». А я плюю уже на все замечания сидящего внутри меня – «ладно, теперь уже не исправись». Но звучит поправка от моего внутреннего человека: «может быть извиниться, и всё исправить» – такой диалог стал происходить у меня частенько.

А почему пришло понимание этого диалога. Потому что я прочитал дневниковый роман Льва Толстого – «Детство, отрочество, юность». Особенно про детство я прочитал, что Толстой маленьким мальчиком вёл дневник и записывал все происходящие с ним события. Как он нашёл мертвую птичку в саду и переживал, даже похоронил её...

Я вдруг, обрёл себя. Я узнал, что какие бы не были мои отношения с окружающими, – я остаюсь один на один со своим внутренним человеком, то есть, – с самим собой.

Кто однажды обрёл себя, тот уже ничего на этом свете потерять не может, он имеет постоянного друга в себе самом. И кто понял человека в себе, тот легче понимает всех людей, – ведь они тоже имеют «внутреннего человека» и тот упрекнёт их за неблагоприятные поступки и за оскорбления другого человека (меня, например). Так я думал.

А для этого необходимо нужно что сделать: развивать свой разум, чтобы понять себя, своё отношение к другим и своё место во Вселенной. Человек должен постигнуть простую истину, сообразуясь со своей ограниченностью (не все знания мира доступны сразу) и со своими возможностями. Он должен развить способность любви к другим, как и к себе, и почувствовать единство всех живых существ.

И тут вступают нормы и принципы общества, в котором человек живёт и воспитывается. Человек не свободен выбирать между тем, чтобы иметь «идеалы». Но бывает он свободен выбирать между различными идеалами, предлагаемыми окружением. Близкие люди – воспитатели здесь первенствуют, и именно они определяют: выбор человека – между служением власти и разрушением или служением любви и разуму. Все люди «идеалисты», у каждого присутствует свой идеал всего, они стремятся к чему-то, выходящему за пределы только одного физического удовлетворения. Все люди различаются именно тем, в какие идеалы они верят.

Без цитаты не обойтись: как говорил Бальмонт Константин Дмитриевич (1867 – 1942) – «Есть удивительное напряженное состояние ума, когда человек сильнее, умнее, красивее самого себя... Такие состояния, приближающие нас к мирам запредельным, бывают у каждого, как бы в подтверждение великого принципа конечной равноправности всех душ. Но одних они посещают, быть может, только раз в жизни, над другими (людьми), то сильнее, то слабее, они простирают почти непрерывное влияние, и есть избранники, которым дано в каждую полночь видеть привидения и с каждым рассветом слышать биение новых жизней».

И другое, от него же, от Бальмонта: «У каждой души есть множество ликов, в каждом человеке скрыто множество людей, и многие из этих людей, образующих одного человека, должны быть безжалостно ввергнуты в огонь. Нужно быть беспощадным к себе. Только тогда можно достичь чего-нибудь».

А вот и философ настоящий говорит: «Человечество развивалось единственно лишь путём самообразования, и для того, чтобы достичь лучших результатов, каждый ум должен развиваться отчасти тем же путём: положение это беспрестанно подтверждается выдающимися успехами людей, которые всем обязаны самим себе». – Герберт Спенсер (1820 – 1903)

Конец.

Петух клюнул мальчика в нос

Ранним утром, выскочив на крыльцо, маленький мальчик аж прижмурился от желтого и яркого света солнечного круга, который поднялся над ближним лесом. Деревенский дом стоял на краю деревни среди густого леса. Сразу за огородами этот лес на многие километры тянулся на восток! И сразу за огородами высокие березки опушки переходили в высокий сосновый бор.

Во дворе, кудахча, важно похаживал петух, охраняя копошащихся у плетня курочек: они разрывали землю с негустой травкой, разыскивая червячков.

Мальчик протер прослезившиеся глаза и взглянул в солнечное утро с ясным голубым небом и легким шумом леса, доносившемся сбоку от двора.

За невысоким плетнем был садик и огородик с тремя грядками огурцов и двумя грядками помидоров. Грядки поливала бабушка. Плетень – этот, маленький заборчик во дворе, бабушка изготовила недавно вместе с мальчиком, и теперь он красиво выделялся, приятно радуя глаз. Мальчик вспомнил, как они вместе ходили на овраги, далеко за деревней, которые весной заливало водой. Летом овраги просыхали, оставляя небольшие бочажки-болотца с водой, по берегам которых росли многочисленные ивовые кусты: ивы-тальника. Бабушка нарубила ветки ивы, а мальчик складывал их в двухколесную большую тележку. Ветки, мальчик очищал от листьев и складывал только длинные прутки. Эти прутья они привозили во двор, где уже стоял каркас из столбиков и поперечных брусьев. Потом они, вместе с бабушкой просовывали прутья между брусьев, и строился плетень! Все это было забавно, ново и весело! Длинные концы прутьев торчали поначалу вверх, и ниже, и выше, как нестриженные волосы на голове мальчика, какие он видел в зеркале по утрам: взъерошенные. А когда бабушка их подрезала ровно – плетень стал выглядеть красиво.

С высокого крыльца (а в детстве все кажется большим: когда деревья были большими – фильм такой есть) весь двор был виден мальчику. И все казалось прекрасным и плетень, и бабушка с лейкой в садике; и курочки пестрые у плетня. И важный и красивый петух: желтый воротник, белые перья и цветные, красные и черные перья большого хвоста очень привлекли внимание мальчика. А главное, – большой и красный гребень на его голове колыхался очень интересно, когда, покудахтав, петух вскидывал свою голову! Мальчику захотелось посмотреть ближе на эту природную красоту, потрогать....

Он быстро спустился по трем широким ступенькам крыльца и весело подбежал к стайке курочек с петухом. Но тут неожиданность: петух не испугался, как сделали это курицы, враспынную бросившиеся наутек. Петух, вдруг, громко захвохтал, закричал и подпрыгнул вверх. Он захлопал крыльями и налетел на мальчика, клюнув его прямо в кончик носа. Отлетев назад, петух и в очередной раз изготовился напасть, но мальчик побежал, и слезы брызнули из его глаз. Он громко заплакал и закричал своим тонким голосом: «Бабушка-а-а!». Из-за слез мальчик не видел направления куда бежал, и не смотрел под ноги. Он пробежал вдоль плетня к калитке в сад, у которой стояли грабли, оставленные бабушкой. Петух тоже кудахтал довольно громко, погнавшись вслед за мальчиком. И в этой суматохе мальчик наступил на грабли: палка от граблей ударила мальчика по голове сбоку, и мальчик упал в слезах и плаче взывая к бабушке. А бабушка уже бежала, бросив свою лейку между грядок. «Сашенька, Сашенька!..» – и видит картину: её Сашенька валяется на траве, на нем лежат грабли и на эти грабли взгромоздился петух, готовый клевать «поверженного врага». «Кыш-кыш, противный, что ты тут наделал!» – бабушка подняла Сашеньку, отряхнула ему рубашечку и стала успокаивать. А петух и не собирался отступать! – он немного отлетел в сторонку и уже изготавливался напасть и на бабушку. Но подняла бабушка упавшие грабли и пригрозила ими смелому петуху. Тут он, уже, наверное, испугавшись, бегом побежал в другой угол двора ко хлеву и сараю.

Так у Саши появилась царапина на носу и большая шишка сбоку лба.

Но утро солнечное, звавшее на улицу, вдруг, тоже помрачнело. Мальчику намазали нос зеленкой и заклеили ободранное место бумажкой. Шишка на лбу тоже была покрыта зеленкой и сверкала в окне, у которого сидел мальчик, глядя во двор, как бабушка ходит по своим делам – то в хлев, то в сарай, под навес. Бабушка ходила около тех же курочек, и петух крутился рядом с ней и даже не думал нападать на нее. «Почему он меня не любит» – думал мальчик, все еще побаиваясь этого «злобного зверя». За окном погода портилась, может, почувствовала обиду мальчика, которая заронила в его душу. Он плакал недолго, после того как бабушка привела его домой. Но усевшись у окна, сурово надув губы, – он «обижался», и на весь мир эта обида распространялась.

Солнце, вдруг, скрылось за тучей, и тучи все больше и больше закрывали голубое небо. Они шли с Востока и вскоре принесли дождь. Во дворе все стало тусклым и темным, как вечером – трава выделялась темными пятнами, уже не казалась зеленой. Под быстро усиливающимся дождем пробежала и бабушка из хлева к крыльцу с ведром. Она подоила корову. А дождь зарядил так сильно, что за его струями, закрывшими пеленой весь вид за окном, не видно было огорода, потом, даже плетень можно было с трудом угадать за струями дождя: начался настоящий ливень!

Мальчик даже чему-то обрадовался: «так и надо! Пусть! Так и надо!» – думал маленький мальчик, еще не понимая, кому и за что он мстит. Но он знал, что природа его услышала и отомстила за его обиду, – что он не погулял во дворе сегодня из-за случая с петухом, за то, что ему было больно и обидно...

А природа, словно действительно в отместку кому-нибудь, зарядила продолжительным проливным дождем до самого вечера.

Когда мальчик с бабушкой попили чаю с печеньем перед сном, – на улице все еще шумели струи дождя. И когда мальчик уже укладывался спать, все еще шел дождь, шум его слышен был за окном, под которым стояла кровать мальчика. Под этот шелест дождевых струй мальчик и уснул.

Проснулся мальчик тоже от шума воды за окном, – дождь не прекратился. Проливной ливень продолжался. Выглянув в окно, мальчик увидел, что по двору бежала вода – будто целая река текла по двору под ворота на улицу. Он быстро вскочил и перебежал к другому окну, выходящему на улицу: и там он увидел потоки воды. Вода лилась огромной рекой по широкой улице от дома к дому, а струи ливневого дождя все добавляли и лили воду с небес! (Такой ливень продолжался три дня в 1967 году, но нигде в СМИ не упомянут, поэтому не могу сослаться, чтобы подтвердить факт). Три дня мальчик не мог выйти из дома, три дня лил дождь с Неба огромными потоками. Многие дома в селе затопило, – те, что стояли ближе к реке. Это ужасно. Невольно подумалось о Всемирном потопе, про потоп они с бабушкой читали в Библии. И бабушка говорила ему и читала, а мальчик переживал это событие истории, почти видимым образом, ощущал в душе, что всё так и было. Был Ной, которому Бог предупредил, и был ливень, и вода лилась с Небес.

По улице текла уже глубокая река, мальчик мог это видеть наглядно – вода лилась ото всюду, их двор был затоплен, и они сидели запертые в доме с бабушкой, как Ной в том Ковчеге....

Потом дождь кончился. Но впечатления от него остались в душе мальчика надолго. И уже никто не мог его разубедить, что Потопа не было. Что История Библейская – это миф! Вера Святому Писанию запала в подсознание мальчика в том раннем детстве! И в школе, как бы не учили они по биологии теорию Дарвина и эволюцию, мальчик знал и верил, что есть Бог и мир весь: и траву, и животных, и человека сотворил Бог! Сама природа дала эту веру мальчику, своим совпадением событий.

Дополнения от автора.

В 6 лет мальчик выучил наизусть молитву «Отче наш...», и под прочтение бабушки он знал все события истории из Священного писания. В школе его не приняли в «октябрята» даже, потому что он всегда молился и ходил с бабушкой в Церковь по воскресеньям... Потом молитвы свои он скрывал от ребят, но его не приняли и в «пионеры» и был он в школе некоторым «изгоем». У него были другие интересы, читал он другие книжки – жития святых и прочие религиозные. Хотя учился в школе вроде неплохо, но Вера в Бога таилась в его душе...

Конец.

«Егорушка» – рассказ

Часть 1

Когда это было (?), – еще задолго до знаменитой «Перестройки», и задолго до «распада» огромной страны, в прошлом двадцатом веке (20-ом). А в новом 21-ом компьютерном веке, когда у каждого человека на руках сотовые и смартфоны не только для связи, но и для развлечения в соц-сетях, а в ушах молодых людей музыка в наушниках, – кажется, что всё было очень давно, – лет 100 или 200 назад.

Из небольшого села (деревни), ранним августовским утром выехала с характерным грохотом по лесной дороге старая телега, запряженная старенькой пегой лошадкой «Ласточкой», которую хорошо знал Егорушка, мальчик, темноволосый, коротко стриженный и вислоухий. Егорушка ехал домой к родителям, ему исполнилось 7 лет, и ему нужно было готовиться идти в школу первого сентября.

Кроме него в телеге впереди сидел кучером, держа в руках вожжи, Петр Силыч, как звали на деревне старого конюха. А справа от него сидела Мама, молодая похожая на девчонку женщина без платка с завитыми снизу волосами, прихваченными сзади заколкой бабочкой из прозрачного оргстекла.

Телега тарахтела при малейшей кочке. А еще поперек дороги тянулись и выпирали корни придорожных сосен, и пока проезжали сосняк, Егорушка ухватился за небольшой борт телеги, в виде толстой палки, потому что его трясло и он подпрыгивал на месте, как крышка кипящего чайника, который бабушка ставила на электрическую плиту и всякий раз, отвлекаясь на другие дела, забывала посмотреть.

Чай они пили с бабушкой вечерами. Чай с вареньем из лесной ягоды малины, за которой сами же и ходили в дальний лес. А после чая бабушка ему читала-рассказывала такие некие сказки. Прямым чтением эти вечерние рассказы назвать было нельзя, – ведь бабушка по ходу меняла слова текстов, поясняла особо непонятные Егорушке словосочетания, фразы и предложения, так что получался полноценный бабушкин рассказ. А читали они «Мудрую Книгу», как её называла бабушка и хранилась она на полке, сразу под «пряслом», под иконами в Красном углу.

Егорушка так сильно привык к деревенской жизни, (детское сознание сильно впечатлительное) и ему казалось, что он тут прожил всю свою сознательную жизнь с самого рождения, младенчества своего он просто не помнил, город и детские ясли выпали у него из памяти.

О городе, куда теперь увозила его Мама, он знал понаслышке, а помнил отрывками. Сначала его водили в ясли по каким-то асфальтовым тротуарам, а по дороге рядом фырчали и шумели, и дымили машины, какое-то множество машин, – они останавливались, выстроившись в ряд, и они с Мамой переходили широкую дорогу по белым полоскам на асфальте. Это было, когда Мама после окончания декретного отпуска пошла на работу, а Егорушку определили в ясли с полутора лет по путевке профкома.

А когда в три года надо было переводить его из яслей в детский сад, – мест в детском саду не было. Мама ходила на прием к депутату горсовета. Там сидела женщина в очках с толстыми стеклами пожилая, худенькая, поджарая. И на жалобу Мамы она сказала: «не хватает мест в детских садах? Это потому, что там не хватает нянечек. Ради ребенка, – идите работать

нянечкой в детский сад и устроим вашего сына...». Мама подумала: с чего это я пойду нянечкой? И пришлось отвезти сына к бабушке. И он там поселился на долгое время. А мама ездила к сыну во все выходные дни. 5 дней работала, а в субботу на автобус спешила, или в пятницу вечером шла на автовокзал, – когда как.

Егорушка не был обделен материнской ласки, но жизнь видел глазами деревенского мальчишки. Вокруг была природа, – сразу за огородами начинался лес, тянувшийся на 8 километров до Райцентра. Внизу деревенской улицы, которая стояла с переулками на пологом спуске, – текла маленькая быстрая речка. У речки стояла конюшня, где было больше двадцати лошадей. И все мальчишки из деревни и из соседних деревень были там часто всё свободное время. – Они умели ездить на лошадях верхом и без седла, ухаживали за лошадьми, умели не только уздечку накидывать, но научились от взрослых и запрягать лошадей в телегу и в сани зимой. Старшие ребята работали в колхозе на уборке урожая и брали с собой малышня, когда возили с поля горох и люцерну телегами на силос.

Так что в свои 7 лет Егорушка уже многому-чему научился, на лошади ездил с четырех с половиной лет, и у него была любимая лошадь, спокойная Ласточка, за которой он ухаживал, приносил ей куски сахара и хлеба в карманах. Её и попросил запрячь у Петра Сильча, чтобы попрощаться. Ведь его увозили в далекую неизвестность, в страшный (напугавший его в младенчестве) город, где гудят моторами машины и где вместо травы на земле – асфальт, который Егорушка видел только в райцентре, где асфальтированы были только пара главных дорог и стоянка автобусов. И то это было нечасто, когда с бабушкой приезжали они за продуктами. Бабушка была раньше учительницей начальных классов в деревенской трехклассной школе, потом она работала в колхозе. И даже когда вышла на пенсию, продолжала работать в колхозе, ходила на полевые работы, потому что пенсия у нее была маленькая 28 рублей, а колхоз давал за работу «натуральную оплату», после сбора урожая им привозили мешки с зерном и мукой, и даже мешок семечек подсолнуха.

А Егорушка везде ходил с бабушкой – помогал ей в поле полоть свеклу и капусту, когда устанет «работать» ляжет на траве у котомок с обедом и спит на природе. Он был умный мальчик, и бабушка научила его читать с пятилетнего возраста, он читал детские сказки. Но больше всего Егорушка любил слушать истории, которые читала-рассказывала ему бабушка.

– История первая, бабушкиных рассказов из воспоминаний Егорушки.

– *«В далекие времена, в прошлом, жили люди племенами. И не сразу объединялись они в Царства-государства.*

– *Как написано: «В те дни не было царя у Израиля; каждый делал то, что ему казалось справедливым» (Книга Судей 21: 25).*

– *И выбрали люди себе Царя, а Цари не всегда были хорошие и справедливые, и Цари бывают плохими.*

– *Так вот, – воцарился над Израилем сын Амврия – Ахав.*

– *И делал он неугодное пред Господом Богом, бальше всех, бывших до него царей. Он взял себе в жены Изавель из чужой страны Сидонской, дочь царя Сидонского. И стал он служить идолу Ваалу, как язычники других стран, и поклоняться ему, и сделал он жертвенник для идола своего выдуманного бога. А еще царь Ахав сделал дубраву, и там молились дубам по просьбе его жены Изавели.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.